

Послевоенная повседневность Ленинграда и популяризация образа Тани Савичевой. Интервью с А. В. Ураловым*

А. А. Павлов

Материалы интервью отражают малоизученную тему – популяризацию образа Тани Савичевой и «блокадного дневника» в советскую эпоху, показывают внимание к теме блокады в 1950–1980-е гг., содержат информацию о повседневности послевоенных лет, а также судьбе квартиры, где был написан дневник, ставший символом страшных событий блокады Ленинграда. Оценку событий дает Александр Владимирович Уралов, житель квартиры Савичевых, семья которого получила её в 1944 г. Описано посещение квартиры творческими деятелями советского периода, композиторами, писателями и поэтами-шестидесятниками. В интервью также упоминается процесс увековечивания памяти жертв блокады, в том числе и самой Тани, в частности история формирования мемориального класса, установки мемориальной доски и нереализованной музеефикации квартиры. Подчеркивается важность сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: А. В. Уралов, Таня Савичева, блокадный дневник, квартира Савичевых, музеефикация.

Для цитирования: Павлов А. А. Послевоенная повседневность Ленинграда и популяризация образа Тани Савичевой. Интервью с А. В. Ураловым // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 192–204. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_192. EDN: CAYTLQ

* Интервью взято при личной встрече с записью аудиоматериала 08.04.2024 г.
© Павлов А. А., 2025

Введение

Знакомство с Александром Владимировичем Ураловым произошло в марте 2024 г. на 2-й линии Васильевского острова. Александр Владимирович – местный житель, проживающий в доходном доме В. Ф. Громова, расположенном по адресу: 2-я линия В.О., дом 6. Трёхэтажный дом был возведён в середине XIX в., в 1910 г. в нём была открыта булочная Николая Родионовича Савичева (1884–1936), в здании предприниматель проживал с семьёй [1]. Таня Савичева родилась в 1930 г. и значительную часть жизни провела в этом доме. Именно по адресу 2-я линия В.О., дом 6 был написан «блокадный дневник», ставший символом блокады Ленинграда. Отец информанта – Владимир Ильич Уралов, был заселён с семьёй в квартиру Савичевых в апреле 1944 г., получив её как служебное жилище, сама Таня была эвакуирована в Горьковскую область ещё летом 1942 г., где 1 июля 1944 г. скончалась от дистрофии. Александр Владимирович, проживающий в данных стенах со второй половины 1940-х гг., поведал не только о судьбе ленинградской девочки, её семье и квартире, процессе мемориализации «блокадного дневника», но и о послевоенной повседневности жителей Васильевского острова и всего Ленинграда. Цель интервью – изучить процесс популяризации образа Тани Савичевой, «блокадного дневника» и рассмотреть послевоенную повседневность Ленинграда.

Тема блокады Ленинграда является одной из важнейших в рамках изучения Великой Отечественной войны, в этой связи в историографии рассматривалась и тема жизни в блокадном городе. В 1983 г. была издана документальная хроника – «Блокадная книга», в которой зафиксированы 200 рассказов жителей блокадного города [2]. Рассматривалась также жизнь детей в Ленинграде, в 1994 г. вышла книга Э. И. Голубевой, в которой показано отражение блокады в детских рисунках [3]. Наибольшее количество работ, посвящённых в том числе «блокадному дневнику» и Тане Савичевой, опубликовано в последние десятилетия. «Блокадный дневник» как исторический источник рассмотрен в работах Б. А. Никишина [4], К. В. Котовой [5], К. Н. Телешовой [6]. К теме образа Тани Савичевой обращается и финский журналист Калле Книйвиля [7], который в своей книге представил интервью с жителями «улицы Тани». При-

существует в этой работе и фрагмент интервью с Александром Владимировичем Ураловым, жителем квартиры Савичевых.

В публикуемом же материале не только поэтапно рассматривается процесс популяризации образа Тани Савичевой и его отдельные проявления в культуре, в частности в литературе послевоенного периода, но представлено описание квартиры, полученной в 1944 г., что позволяет восстановить её облик в период блокады, а также затрагивается вопрос музеефикации квартиры и рассмотрена послевоенная повседневность жителей Васильевского острова.

Интервью

– Александр Владимирович, насколько мне известно, Ваш отец был участником Великой Отечественной войны. Можете рассказать о нём и его деятельности?

Я попытался найти информацию об отце на сайте, но при моём владении компьютером я не смог сразу сделать это и прекратил. Родился 1897 г., воевал всю Первую империалистическую¹. Рано вступил в ВКП(б), в 1918 г. Знаю, что до того как стать начальником Приморского сектора обороны, он был призван с гражданской службы, на которую ушёл с должности командира кавалеристского дивизиона в 1924 г., после этого он закончил Академию народного хозяйства имени Куйбышева, служил на гражданской службе в Мурманской области, дошёл до зампредгорисполкома в г. Апатиты и г. Кировск, откуда вернулся в ранге майора в 1939 г. То есть период гражданки длился с 1924 по 1939, и вот он застал финскую войну и отечественную, уже был подполковником, всё войну в этой должности прослужил. В 1945-м его отправили комендантом в Латвию, Вентспилс, называвшийся по-русски Виндава, и до 1948 г. наша семья проживала в этом городе. Впоследствии все родственники, включая нас, вернулись в Ленинград, а отец был назначен военным комендантом Кронштадта, один был морским комендантом, а другой – МВД. Въезд был строго по пропускам, город был закрытым, меня передавали на корабле, сидел в каюте капитана, было лет 5–6 и с тех пор у меня тяга к морю! В 1949-м отец перевёлся сюда (в Ленинград) и уже здесь дослуживал до 1956 г. в органах МВД, у него был зелёный китель с синем галифе.

¹ Империалистическая война – наименование Первой мировой войны в советской историографии.

– В какой период Ваша семья заселяется в квартиру Савичевых и какие обстоятельства этому предшествовали?

Когда отца пришлось переселить из дома 2 по 9-й линии, куда попал снаряд, неизвестно, где они жили, но подыскивали ему служебную площадь, и нашли этот дом (2-я линия д. 13) с пробитой крышей, но так как он выезжал в Москву на ускоренные 6-месячные курсы в академию Фрунзе, где готовили военные кадры несмотря на войну, он с беременной женой (А. В. Ураловой, мать рассказчика), и моей старшей сестрой Тамарой уехали в Москву, где пробыли там шесть месяцев. После по предписанию они вернулись и уже вселились в эту, отремонтированную после попадания снаряда квартиру, с 1946 г., по бумагам. Ордер на заезд был получен ещё в апреле 1944 г.

– Известно ли Вам, как выглядела квартира после эвакуации Тани?

Да, нам рассказывали, стали подыскивать, куда отцу переехать из 9-й линии, матушка моя рассказывала, что она на лестницу вошла, подняла голову – а там небо наверху! Оказалось, что стройматериалов в разбомбленном доме (5-я линия, вдоль Большого проспекта) было полно сверху, там большой доходный дом был, кстати, эти брёвна, которые они натаскали оттуда в 1943–1944 году, продержались вплоть до капремонта в 1975-м, через 30 лет после победы они ещё служили, хотя шатались, когда кто-то танцевал на втором этаже.

То есть в квартире была тогда печка сложена, тут печное отопление у нас было до 1961 г., значит печка была посреди небольшой комнаты, специально для утепления, временно, потом её разобрали, и две печки в каждой комнате были, дровяные. Во всём доме было печное отопление, у всех были сараи в подвалах, либо в деревянных подвалах во дворе.

– В каком возрасте Вы впервые услышали о Тане Савичевой и её судьбе?

Вот, это самый интересный вопрос! Дело в том, что конец 1940-х – начало 1950-х как-то всё время убывало то отношение к победителям, которое сформировалось после 9 мая 1945 г. Но во всяком случае раньше, это видно по фотографиям и хроникам, носили медали в полном виде, колодок было мало, за орден и медали платили каждый месяц, носили орденскую книжку. В конце 1940-х гг. распоряжение прекратить выплаты понижи-

ло интерес носить медали, и при 6-дневной рабочей неделе даже 9 мая не было выходным днём, до 1965 г. Да, были салюты, не такие пышные, правда, как сейчас. И вся тема блокады не очень афишировалась, скорее между собой, когда компании взрослых собирались на кухне, обменивались воспоминаниями по бытовому о блокаде. У моей матери до 1949 г. болел желудок, несмотря на то что она работала в госпитале и отец получал паёк, варили клей, ели суррогаты, многие тоже пострадали. Тему блокады люди старались забыть, потому что это тяжелейшее время, оно не героизировалось, скорее по бытовому переживали, вспоминали, кто умер, есть ли могилы, нету..., кого эвакуировали и т. д.

И вот про Таню Савичеву мы впервые стали слышать, когда на телевидении появился Сергей Сергеевич Смирнов¹, писатель, развивавший тему героики, это был 1961 г., через 16 лет после войны. Он вёл еженедельные передачи, раскрыл подвиг Брестской крепости, комиссара, который оборонял её 30 дней, многие другие факты, и в том числе началась тема Тани Савичевой. Когда он начал регулярно ею заниматься, к нам стали приходить московские творческие люди, которые стали беседовать с моей матерью. Спрашивали, знает ли она о тех, кто умер в этой квартире. Она отвечала, что из тех, кто проживал в нашем доме до войны, умерли 17–18 человек. Стали появляться из-за того, что Смирнов призывал развивать тему героики, героизации, московские писатели, композиторы по-видимому получили заказ. Интересовались, в каких стенах происходили события. А в то время все стены, входная группа, окна, перегородка между их булочной – всё было на месте. Двор был со всеми флигелями, которые перегораживали наш двор и соседний, и они каким-то образом старались в стихах или песнях отразить это. С ними даже матушка моя подружилась. Я, будучи 17–18-летним тоже общался с ними.

– В этой связи интересно, какие поэты, писатели, деятели культуры посещали Вас?

Больше всего нам запомнился Михаил Светлов – знаменитый наш советский поэт, который всегда приезжал с подарками.

¹ Сергей Сергеевич Смирнов (1915–1976) – советский писатель, историк, радио- и телеведущий, общественный деятель. автор пьес и киносценариев, документальных книг и очерков о неизвестных героях Великой Отечественной войны, в том числе «Брестская крепость», «Рассказы о неизвестных героях». Много лет вёл на телевидении популярную передачу – телеальманах «Подвиг».

У него был, как бы сказать, агент, который предварял его визит. Когда Светлов пришёл впервые, у матушки было воспаление лёгких, он с ней лежачей общался, у них завязалась дружба. А Светлов был очень популярен, писал стихи замечательные!

Потом Никита Богословский, как всегда был при деле, он появился у нас тоже, его знаменитые военные песни были популярны, Тёмная ночь, например. Одним из последних поэтов, интересовавшимся этой темой, был Михаил Дудин, который вёл себя самым достойным образом, всегда заранее звонил, это были 1970-е, накануне годовщины войны. Бывал поэт Долматовский, затем композитор Колмановский, знаменитые московские ребята. К тому времени уже в экскурс-бюро, по улице Желябова, ныне Конюшенной, дом Тани Савичевой стали включать в маршруты, и до 1965 г. к нам уже начали ездить икарусы, дом включили в программы.

Потом у нас был интересный контакт с Василием Павловичем Соловьёвым-Седым, он приезжал со своим музыкальным руководителем ансамбля Анатолием Викторовичем Милославским, с которым ездил по всему Советскому Союзу с гастролями, и у нас до 1980-х гг. образовалась связь, и была дружба, особенно с Милославским, который к тому времени был уже руководителем Театра комедии им. Акимова.

Кроме уже упомянутых, были многие не раскрученные поэты, могу вспомнить Андрея Дементьева, спорили о его визите с поэтом Москвиным, когда тот жив был, но отмечу, что таких знаменитых, как Евтушенко или Рождественский не было. Были поэты-песенники, но какая же может быть песня про Таню Савичеву...Только стихи, к тому грустные.

Однако к 1965 г. был заказ, я к тому времени ушёл в армию, наша семья уже была вовлечена в эту историю, но я всю жизнь не понимал, какое мы имеем к этому отношение.

– А о чём в первую очередь заходила речь, когда деятели культуры посещали Вашу квартиру?

За жизнь. За жизнь в этом доме. Чаще всего мать «отбивалась», она была непосредственным участником блокады. Спрашивали различные интимные подробности, но мы с теми Савичевыми даже не встречались, мы просто унаследовали судьбу жить здесь, в этой квартире. Часто спрашивали: «Что вы чувствуете, здесь умерло 5 человек?», а в нашем доме столько поу-

мирало. А я рос... У нас во дворе была прачечная, и всю блокаду, особенно 1941 и 1942, она использовалась как мертвецкая. Туда свозили трупы со всей округи и отставляли, прежде чем вести их хоронить. Конечно, с Васильевского на Пискарьёвку вряд ли везли, у нас, наши захоронения были здесь, до сих пор оформлены как братские могилы на Смоленке. Прежде чем туда отвезти, они штабелями хранились в нашей прачечной, и после войны жители старались её не использовать. Она была сама по себе, там было очень холодно, но все помнили, что там была мертвецкая. Вся военная тематика была близко, рядом. Находили и черепа, и оружие... А из подвалов выгнали сарай, сделали бомбоубежище. Детство было у нас военизированное. Сестра моя ещё в 13 лет получила медаль За оборону Ленинграда, потому что дружиной командовала по спасению крыш от зажигалок.

– Известно ли Вам, знал ли Ваш отец, или старшие родственники, о трагической судьбе ленинградской девочки?

В 1943 г., во время войны, уже работала комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. Туда собирались все свидетельства, юридические документы, касающихся их зверств, а так как мой отец был начальником сектора обороны Ленинграда, он, конечно, участвовал в работе этих комиссий, работали военные юристы, они обязаны были предоставлять сведения. Я с самого 13-летнего возраста, когда отец умер, так и не узнал, был ли он в курсе дневника, но то, что в материалах для нашего прокурора Руденко¹, который выступал на Нюрнбергском процессе, были сведения об этом дневнике – это точно, потому что на Нюрнбергском процессе прозвучала в полный рост тема Анны Франк², еврейской девочки в Голландии, которая пряталась на чердаке, оставила обширный дневник, издававшийся на разных языках, и вот как бы наша Таня Савичева уравнивала его своим лаконичным, но не менее драматичным дневником. Но на самом заседании Руденко не дали времени, чтобы это озвучить. Но когда стал создаваться музей истории блокады, уже тогда было известно, что есть такое свидетельство ужаса, как люди тогда жили. Сказать точно, знал ли отец об этом –

¹ Роман Андреевич Руденко (1907–1981) – советский государственный деятель, возглавлявший Генеральную прокуратуру 27 лет. В 1945–1946 годах стал главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе.

² Анна Франк (настоящее имя – Аннелиз Мари Франк) – еврейская девочка, уроженка Германии, одна из самых известных жертв Холокоста.

не могу, но когда писатели и учёные стали исследовать этот вопрос, стало звучать сравнение Анны Франк и Тани Савичевой.

– То есть существует как раз легенда, что «блокадный дневник» был представлен на Нюрнбергском процессе. Но Вы думаете, что у неё нет оснований?

Дневник не был представлен. Хотя был в материалах у Руденко.

– Как известно, у Тани остались родственники в лице сестры Нины и брата Михаила. Общались ли Вы с ними?

Да, только с Ниной. Михаил жил в этом же доме, но в другой квартире, и не привлекался так активно кинодокументалистами, как Нина. А Нину снимали на кинохронику в этой квартире, она стояла у окна в большой комнате, давала интервью, глядя на 2-ю линию, делилась воспоминаниями. Она прожила очень прилично, до 90 лет, по-моему. Она была старше Тани и работала тогда, но так как была прописана в общежитии химкомбината на Охте, то она здесь уже никак не числилась. Семья не только здесь жила, ещё на втором этаже пару комнат было, поэтому все упомянутые в дневнике не только в квартире умирали.

– А упоминала ли Нина то, как выглядела квартира раньше, в их время?

Нет, не упоминала, потому что, когда она была и снималась, здесь практически ничего и не менялось. Вот до капремонта 1975 г., когда мы всерьёз обратились в горисполком с просьбой музеефикации, об этом есть заявление и решения горисполкома, не было никаких изменений внутри, кроме создания перегородки между булочной и квартирой. Булочная была у нас за стеной до 1975 г., там же, где она и была при Савичевых.

– Вы также упоминали о плане создания мемориального музея в квартире Савичевых. Какие факторы этому помешали?

Интересна история второго обращения. Мария Францевна Уралова, моя мать, будучи врачом, была лично знакома с зампредом горисполкома Иваном Яковлевичом Поповым, тесно общались. Когда поступило предложение о капремонте в 1975-м, Мария Францевна решила пойти к Попову на Исаакиевскую площадь, так как тогда он уже был зампредом горисполкома, занимался эксплуатацией и распределением жилого фонда. К Ивану Яковлевичу не попала, на заявление было отвечено отказом, предложили жить дальше в той же квартире. Однако секретарша Попова, зная Марию Францевну, сообщила, что отказ

был связан с тем, что семья Савичевых относилась к нэпманам, и даже в 1930-е отец и старший брат сидели в тюрьме, и не только потому, что у них была булочная и пекарня, а ещё у них был кинотеатр на 3-й Советской улице. Держали их недолго, однако булочную и кинотеатр конфисковали. По этой причине, как классово чуждые элементы, не подошли под те каноны, которые существовали. Интересно, что через два года после капремонта в дом въехал сам И. Я. Попов, став нашим соседом на 2 этаже. Когда началась перестройка, всем было уже не до музея, еле-еле разобрались с наследием музея история города.

– Занимались ли Вы изучением темы семьи Савичевых? Какие источники и информацию при этом удалось найти?

Честно говоря, не занимался. Мне хватало того, что было много информации от корреспондентов, раскрыто было всё, начиная с 1963 г., тем более к 1965 г. У нас даже висела её фотография, принесённая детьми из 35 школы, где Таня училась. В архивах не рылся, но было много общения, в частности с корреспондентами центральных газет. Запомнился Илья Шатуновский из газеты «Известия», фельетонист, многое от него узнавал. В настоящее время в «Российской газете» изучали вопрос. Всё-таки разрыв в два года, между смертью Савичевых и заездом нашей семьи сыграл свою роль.

– Вы упомянули 35-ю школу. В какое время формируется коллекция её школьного музея и принимали ли Вы в этом участие?

Мы даже принимали детей в своей квартире, мой сын учился в этой школе. Мемориальный класс Тани Савичевой был ликвидирован недавно, детей принимали даже после перестройки. В коллекции музея в основном вещи той эпохи, личных вещей не осталось, даже в момент заезда родителей в доме была дыра.

– Как вы думаете, а какую роль происхождение Тани Савичевой сыграло в освещении её биографии и темы «блокадного дневника» в 1960–80-е гг.? (тема «лишенцев»¹)

Практически никакого. Абсолютно никто не упоминал. До 1975 г. никакого отрицательного отзыва, за исключением обращения в горисполком, и то он был неформальным. До этого практически не интересовались происхождением Тани Савиче-

¹ Лишенцы – категория населения, лишенная избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу (до принятия Конституции 1936 г.).

вой, тем более ее родственники работали на Адмиралтейском заводе, сама она была школьницей.

– В каком виде, на Ваш взгляд, должен был быть представлен мемориальный музей?

Достаточно свидетельств быта того времени, были обмерные чертежи булочной Савичевых, в проектно институте, перед капитальным ремонтом 1975 г. Там даже сохранилась рустовка и внутренняя лестница. Можно было бы реконструировать небольшую блокадную булочную, она размером была чуть побольше нашей кухни. Работала, висел там телефон-автомат. Главное, чтоб люди представляли блокадный быт. Одна гражданка, на улице Некрасова, рядом с Кузнечным рынком, музеефицировала свою квартиру. У неё была керосинка, мешки с крупами, сухарями, которые она меняла, т. е. прецеденты есть. Интересна стихийная музеефикация на родине Сталина в Гори, Грузия. В 1956 г. был открыт шикарный музей, куда привезли даже его вагон, для которого пришлось проложить рельсы, снести множество домов. А тут, с Таней Савичевой, не смогли квартиру организовать. С логистикой, вроде, тоже всё нормально было. Судя по общей обстановке, уже не светит возвращение к этой теме.

Впоследствии идеология уже не мешала, но начались вопросы финансовые. В 1990-е плохо финансировали музей, не до того было. Нужна достаточность информации, достаточность внимания предыдущих жильцов.

Первый раз про мемориальную доску мы заговорили, когда я учился на 5 курсе. Я поступил на восточный факультет, но мои одногодки, Владимир Эмильевич Горевой, Сергей Кубасов, Иван Уралов, поступили в Академию художеств. Горевой учился на скульптора, обратился к нему с просьбой, к дому уже ездило много туристов. Решили взять мемориальную доску как дипломные проект. Я предложил сделать её с небольшим загибчиком, у окна, но она не прошла. Я дружил с Иваном Григорьевичем (Ураловым), совместно с Сиваковым они хорошо восприняли идею, пробили финансирование и сделали её, немного в стороне, не под нашими окнами. На том месте раньше там был детский сад и булочная. Реализовали её, правда, через 60 лет после войны (2005 г.), а первый проект был ещё в 1972 г.

– В чём, на Ваш взгляд, ценность блокадного дневника и почему стоит сохранять память о событиях прошлого?

Внимание к блокадному дневнику вызвано невероятной концентрацией того трагического состояния общества, в котором мы оказались, ни прибавить, ни убавить, тем более устами младенца. Многие уже интуитивно это чувствуют. Представляешь, в одной записной книжке она, дрожащей ручкой, фиксирует всё это, ведь ей так и не удалось оправиться, когда её отправили в эвакуацию, летом, она ведь прожила...часть 1942, 1943 и в 1944 г. умерла. Многие поэты, приходившие к нам, плакали.

Вывод

Интервью с А. В. Ураловым является важным источником послевоенной повседневности Ленинграда. Как житель, Александр Владимирович упоминает изменения города, рассказывает о судьбе дома и квартиры Тани Савичевой на Васильевском острове. В ходе интервью удалось узнать о процессе популяризации «блокадного дневника» и образа Тани Савичевой, который происходил с юбилея XX-летия Победы, как была увековечена Таня, какие творческие деятели обращались к её образу. Также затрагивался вопрос создания мемориальной доски и формирования музея по теме блокады Ленинграда¹.

Список литературы

1. Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Дома и люди Васильевского острова. М.: ЗАО «Центр-полиграф», 2008. 121 с.
2. Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1983. 433 с.
3. Голубева Э. И. Рисуют дети блокады. СПб.: Издательство «Аврора», 1994. 79 с.
4. Никишин Б. А. Жизнь детей в блокадном Ленинграде // Наука без границ. 2021. № 2 (54). С. 5–10. EDN: UOTGDD
5. Котова К. В. Блокада Ленинграда глазами детей // Двадцатые Петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Северная звезда, 2019. С. 71–75.
6. Телешова К. Н. Дети и война (Эпизод блокадной жизни) // Волонтер. Всероссийский научно-практический журнал. 2016. № 1 (17). С. 52–57.
7. Книгвиля К. Улица Тани = Tanjan katu. Хельсинки: Mondial, 2017.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 212.

The Post-War Everyday Life of Leningrad and the Popularization of the Tanya Savicheva Image. Interview with A. V. Uralov

Arseniy A. Pavlov

The interview materials reflect a little-studied topic – the popularization of the image of Tanya Savicheva and the "blockade diary" in the Soviet era, show the attention to the blockade topic in the 1950s – 1980s, contain information about the daily life of the post-war years, as well as the fate of the apartment where the diary was written, which became a symbol of the terrible events of the siege of Leningrad. A retrospective assessment is made by a direct participant in the events, Aleksandr Vladimirovich Uralov, a resident of the Savichevs' apartment, whose family received it in 1944. Aleksandr Vladimirovich is a witness to the post-war years, the popularization of the image of Tanya Savicheva and the original appearance of the place where the "blockade diary" was written. The interview describes visits of creative figures of the Soviet period, composers, writers and poets of the sixties to the apartment. It also shows the process of perpetuating the memory of the victims of the blockade, including Tanya herself, in particular, the history of the formation of a memorial classroom, the installation of a plaque and the unrealized museumification of the apartment, emphasizes the importance of preserving the historical memory of the events of the Great Patriotic War.

Key words: A. V. Uralov, Tanya Savicheva, the blockade diary, the Savichevs' apartment, museumification.

For citation: Pavlov, A. A. Poslevoennaya povsednevnost' Leningrada i populyarizatsiya obraza Tani Savichevoj. Interv'yu s A. V. Uralovym [The Post-War Everyday Life of Leningrad and the Popularization of the Tanya Savicheva Image. Interview with A. V. Uralov]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 192–204. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_192. EDN: CAYTLQ

References

1. Nikitenko, G. Yu., Sobol, V. D. (2008) *Doma i lyudi Vasilevskgo ostrova* [Houses and people of Vasilevsky Island]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russ.)
2. Adamovich, A. M., Granin, D. A. (1983) *Blockadnaya kniga* [The Blockade book]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
3. Golubeva, E. I. (1994) *Risuyut deti blockady* [The children of the blockade draw]. St. Petersburg: Aurora Publishing House. (In Russ.)
4. Nikishin, B. A. (2021) Zhizn' detei v blockadnom Leningrade [The life of children in besieged Leningrad]. *Nauka bez granic* [Science without borders]. No. 2 (54). Pp. 5–10. (In Russ.) EDN: UOTGDD
5. Kotova, K. V. (2019) Blockada glazami detei [The siege of Leningrad through the eyes of children]. *Dvadcatye Petrovskie chteniya* [Twentieth Peter's Readings]. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. St. Petersburg: Severnaya Zvezda. Pp. 71–75. (In Russ.)
6. Teleshova, K. N. (2016) Deti i vojna (episod blockadnoy zhizni) [Children and war (Episode of blockade life)]. *Volontyor. Vserossiyskiy nauchno-prakticheskij zhurnal* [Volunteer. All-Russian Scientific and Practical journal]. No. 1 (17). Pp. 52–57. (In Russ.)
7. Kniville, K. (2017) Ulita Tani [Tanja Street = Tanja ktu]. Helsinki: Mondial.

Об авторе

Павлов Арсений Артёмович, студент факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: arse.p@mail.ru

About the author

Pavlov Arseniy A., Student at the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: arse.p@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.04.2025

Одобрена после рецензирования 05.05.2025

Принята к публикации 12.05.2025